Невровский
Истребление
Аварских
ханов
в 1834 г.

ИСТРЕБЛЕНІЕ

АВАРСКИХЪ ХАНОВЪ

ВЪ 1834 ГОДУ.

Отрывокъ изъ рукописи Подполковника Генеральнаго Штаба

Неверовскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ

1848.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С. Петербургъ, Апрѣля 3 дня 1848 года.

Цензоръ А. Крыловъ.

ИСТРЕБЛЕНІЕ АВАРСКИХЪ ХАНОВЪ ВЪ 1834 ГОДУ (*).

Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, Аварскіе Ханы были сильны въ Дагестанѣ и нерѣдко, предводительствуя толпами Лезгинъ, наводили страхъ на владѣтелей Закавказскаго края, покупавшихъ у нихъ спокойствіе значительною данью.—Въ 1834 же году, мужескій родъ Аварскихъ Хановъ былъ истребленъ малоизвѣстнымъ до того горцемъ Гамзатъ-Бекомъ, потрясшимъ въ основаніи то уваженіе, которое питали Лезгины вообще къ ханамъ.

Чтобы сдѣлать этотъ кровавый эпизодъ изъ исторіи Дагестана болѣе яснымъ, небезполезно будетъ ознакомиться первоначально, сколько позволяютъ имѣющіяся свѣдѣнія, съ происхожденіемъ, воспитаніемъ и

(*) Статья эта составлена изъ показаній горца, бывшаго казначеемъ у Гамзатъ-Бека и служащаго нынѣ при войскахъ Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса переводчикомъ.

первыми дѣйствіями Гамзатъ-Бека, а потомъ уже описать его дѣйствія, какъ виновника истребленія Аварскихъ Хановъ.

Гамзатъ-Бекъ родился въ 1789 году въ аварскомъ селеніи Новый-Гоцатль, лежащемъ въ 18-ти верстахъ къ сѣверо-востоку отъ Хунзаха и заключавшемъ въ то время до 300 дворовъ. Онъ происходилъ отъ аварскихъ Бековъ-Джанковъ (*). Отецъ его, Алискендеръ-Бекъ, былъ уважаемъ Аварцами за храбрость и распорядительность. Въ молодости своей онъ часто собиралъ скопища Лезгинъ, и пускаясь съ ними въ Кахетію, всегда возвращался съ большею добычею. Али-Султанъ-Ахметъ-Ханъ, тогдашній Ханъ Аваріи, во многихъ важныхъ дѣлахъ съ нимъ совѣтовался и Алискендеръ-Бекъ во всемъ оказывалъ ему полное содѣйствіе.

Въ 1801 году, Гамзатъ-Бекъ былъ отданъ на воспитаніе муллѣ андалальскаго селенія Чохъ-Махадъ-Эффендію. Одаренный хорошими способностями, онъ дѣлалъ быстрые успѣхи въ изученіи арабскаго языка, находящагося у горцевъ въ большемъ уваженіи. Въ свободное же отъ занятій время, любилъ стрѣлять изъ ружья, и живя противъ мечети, не разъ повреждалъ мѣткою пулею поставленный на минаретѣ знакъ луны.

По прошествіи 12 лѣтъ Махадъ-Эффенди умеръ, не окончивъ воспитанія Гамзатъ-Бека, который, имѣя страстную охоту къ ученію, отправился въ Хунзахъ, гдѣ и продолжалъ брать уроки у главнаго кадія,

---

(*) Джанками называются побочныя дѣти владѣтелей, а также рожденныя отъ неровнаго брака.

Нуръ-Махомета. Въ Хунзахѣ вдова бывшаго Аварскаго Хана Али-Султанъ-Ахмета, Ханьша Паху-Бике, въ вознагражденіе заслугъ и преданности къ ихъ семейству Алискендеръ-Бека, помѣстила сына его въ своемъ ханскомъ домѣ, обходилась съ нимъ какъ съ ближайшимъ родственникомъ и постоянно была къ нему весьма ласкова.

По окончаніи своего ученія, Гамзатъ-Бекъ возвратился въ сел. Новый-Гоцатль, гдѣ и женился. Онъ былъ и отъ природы весьма уменъ, а ученіе еще болѣе развило его способности. Главныя черты его характера составляли: чрезвычайная настойчивость къ достиженію цѣли, рѣшительность и веселость.

Перейдя отъ умственныхъ занятій къ семейной жизни, Гамзатъ-Бекъ началъ искать развлеченій и находилъ ихъ въ частыхъ пирушкахъ, во время коихъ употребляя чрезмѣрно горячіе напитки, прослылъ наконецъ человѣкомъ нетрезваго поведенія. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ думалъ собственно объ увеселеніяхъ, и хотя дядя и вмѣстѣ тесть его, Иманъ-Али, старался отвратить его отъ подобной жизни, но всѣ увѣщанія и просьбы оставались тщетными, до 1829 года, когда обратилъ на себя вниманіе горцевъ Кази-Мулла. Бесѣдуя однажды съ Гамзатъ-Бекомъ о дѣйствіяхъ перваго возмутителя, Иманъ-Али ему сказалъ: «Ты происходишь отъ Бековъ, твой «отецъ былъ храбрый человѣкъ и дѣлалъ много «добра Аварцамъ, а ты не только не хочешь послѣ«довать его примѣру, но предался еще разврату. «Взгляни на дѣла Кази-Муллы, простаго горца, и «вспомни, что ты знатнѣе его родомъ и не менѣе его «учился.»

Слола эти произвели магическое дѣйствіе на Гамзата. Онъ молча всталъ, вышелъ изъ дома, оседлалъ любимаго коня своего и уѣхалъ въ селеніе Гимры. Кази-Мулла принялъ его со всѣми восточными привѣтствіями и предложилъ дѣйствовать совокупно въ распространеніи новаго ученія. Гамзатъ-Бекъ охотно согласился на предложеніе и сдѣлался самымъ ревностнымъ помощникомъ перваго Имама. Они вмѣстѣ склонили на свою сторону Койсубу, Гумбетъ и Андію, и вмѣстѣ нападали на Хунзахъ.

Претерпѣвъ пораженіе подъ Хунзахомъ, Гамзатъ-Бекъ возвратился въ Новый-Гоцатль, гдѣ и распустилъ находившихся при немъ мюридовъ. Однако онъ не долго оставался въ бездѣйствіи. Вскорѣ прибыло къ нему нѣсколько выходцевъ изъ Джаро-Бѣлоканской области, скрывавшихся въ селеніи Корода, анданальскаго общества. Объявивъ о присоединеніи джарскихъ Лезгинъ къ исправительной сектѣ и намѣреніи ихъ возстать противъ Русскихъ, они просили его прійти къ нимъ съ своими приверженцами, обѣщая безпрекословно повиноваться его приказаніямъ. Не рѣшась исполнить ихъ просьбу безъ совѣта Кази-Муллы, Гамзатъ-Бекъ отправился къ нему въ селеніе Гимры, съ предложеніемъ принять начальство надъ новыми сообщниками. Но Кази-Мулла, въ слѣдствіе ли претерпѣннаго имъ пораженія подъ Хунзахомъ, или не надѣясь на удачу, отказался отъ предложенія Гамзата и предоставилъ ему быть ихъ предводителемъ.

Возвратясь изъ Гимръ, Гамзатъ-Бекъ написалъ воззваніе къ Андалальцамъ, Хидатлинцамъ, Карахцамъ и Тлесерухцамъ. Какъ на призывъ муллы стекаются

правовѣрные въ мечеть для молитвы, такъ жители этихъ обществъ собирались толпами въ селеніе Новый-Гоцатль, жаждя добычи и крови. Гамзатъ-Бекъ въ первый разъ увидѣлъ себя повелителемъ такого огромнаго скопища. По прибытіи къ джарскимъ Лезгинамъ, онъ взялъ съ нихъ, въ залогъ вѣрности, аманатовъ, которыхъ и отправилъ въ андалальское общество, подъ присмотръ преданныхъ ему людей.

Въ первыхъ сшибкахъ съ русскими отрядами, счастіе благопріятствовало Гамзатъ-Беку и онъ безпрестанно тревожилъ ихъ нападеніями. Наконецъ джарскіе Лезгины были разбиты, покорены и лишились на всегда своей политической независимости и гражданскаго устройства, а земли ихъ образовали Джаро-Бѣлоканскій округъ. Послѣ этой развязки, Гамзатъ-Беку ничего нельзя было предпринимать, тѣмъ болѣе, что въ горахъ настала уже суровая зима. Глубокій снѣгъ не только затруднялъ дальнѣйшія дѣйствія, но дѣлалъ даже невозможнымъ возвращеніе въ Дагестанъ его скопищъ, которымъ надлежало переходить главный кавказскій хребетъ. Въ этихъ обстоятельствахъ, онъ вздумалъ лично вступить въ переговоры съ начальникомъ бывшаго тогда отряда въ Джаро-Бѣлоканскомъ округѣ, Генералъ-Лейтенантомъ Стрекаловымъ, обѣщая распустить мюридовъ, если наше Правительство назначитъ ему пожизненный пенсіонъ. Возмутительныя дѣйствія Гамзата заслуживали строгаго наказанія, предложенное же имъ условіе могло только удивить; а потому Генералъ-Лейтенантъ Стрекаловъ ограничился собственно его заарестованіемъ и отправленіемъ въ Тифлисъ. Тамъ онъ былъ взятъ подъ присмотръ, какъ дерзкій бунтовщикъ.

Главнокомандующій замѣтилъ ему, что прежде надобно оказать услуги Правительству, а потомъ просить содержанія.

Оставшіеся въ Джаро-Бѣлоканскихъ горахъ мюриды, лишась своего предводителя, не осмѣливались болѣе нападать на Русскихъ и вскорѣ разошлись по домамъ.

Арестъ Гамзатъ-Бека въ Тифлисѣ не долго продолжался. Въ слѣдствіе просьбы Генералъ-Маіора Асланъ-Хана Казикумыкскаго, онъ былъ отпущенъ на родину, а въ залогъ вѣрности Асланъ-Ханъ представилъ племянника его Койхосрова.

Благодарный своему избавителю, Гамзатъ-Бекъ отправился къ нему въ селеніе Кумухъ, гдѣ бесѣдуя о разныхъ предметахъ, склонилъ однажды разговоръ на Аварію. Разговоръ этотъ, какъ мы увидимъ, имѣлъ огромныя послѣдствія.

Асланъ-Ханъ, вскорѣ послѣ смерти Аварскаго Хана Султанъ-Ахмета, просилъ руки дочери его, Султанеты, для сына своего, Магометъ-Мирзы-Хана, и получилъ на это согласіе отъ матери ея, Ханьши Паху-Бике. Вслѣдъ за тѣмъ изъявилъ свое желаніе на вступленіе въ бракъ съ Султанетою и нынѣшній Шахмалъ Тарковскій, Абу-Муселимъ-Ханъ. Сравнивая двухъ жениховъ, Ханьша рѣшилась измѣнить данному уже обѣщанію Асланъ-Хану и отдала преимущество Шамхалу, какъ болѣе богатому и близкому сосѣду, могшему въ случаѣ надобности оказать и помощь.

Не имѣя въ то время средствъ отмстить за сдѣланную ему обиду, Асланъ-Ханъ перенесъ ее, но не могъ забыть, и желаніе мести въ немъ не угасало. Коснувшись же разговора съ Гамзатъ-Бекомъ объ

Аваріи, онъ видѣлъ въ этомъ предпріимчивомъ человѣкѣ своего мстителя. А потому, поведя искусно разсказъ о богатствѣ аварскихъ хановъ и украсивъ восточными цвѣтами обладаніе властію ханскою, Асланъ-Ханъ сказалъ ему: «Знаешь ли отъ чего разрушились всѣ планы твои и Кази-Муллы при штурмѣ Хунзаха, и отъ чего всѣ твои дальнѣйшія дѣйствія на Аварію будутъ разсыпаться какъ извѣстковый камень, падшій съ вершины утеса? Тебя чернитъ передъ народомъ Ханьша Паху-Бике; слова ея тоже, что Коранъ для правовѣрныхъ, и пока будетъ жизнь въ этомъ для тебя змѣиномъ жалѣ, ты много употребишь трудовъ и времени, чтобы осуществить первое предположеніе Кази-Муллы и воздвигнуть новое зданіе.»

Гамзатъ-Бекъ всталъ, вынулъ шашку изъ ноженъ и произнесъ слѣдующія слова: «Видишь Ханъ эту «шашку! у нее двойное остріе. Иду впередъ» вскричалъ онъ, взмахнувъ шашкою къ сторонѣ, гдѣ лежитъ Хунзахъ,—«и ею же защищаюсь сзади.» Слова эти имѣли смыслъ, то есть: идя на Хунзахъ изъ Новаго-Гоцатля, лежащаго ближе къ нашимъ укрѣпленіямъ, онъ въ тоже время будетъ защищать и свой тылъ.

Хотя коварныя внушенія Асланъ-Хана глубоко запали въ душу Гамзатъ-Бека, и еще болѣе развили его честолюбивые замыслы, однако при прощаніи онъ объявилъ, что рѣшился прежде всего, во что бы ни стало, уничтожить крѣпость Новые-Закаталы, которая весьма много мѣшаетъ набѣгамъ на Кахетію и вообще на Грузію. Это неожиданное намѣреніе Гамзатъ-Бека было весьма противно желанію Асланъ-Хана, проникнутаго мщеніемъ къ Ханьшѣ Паху-Бике;

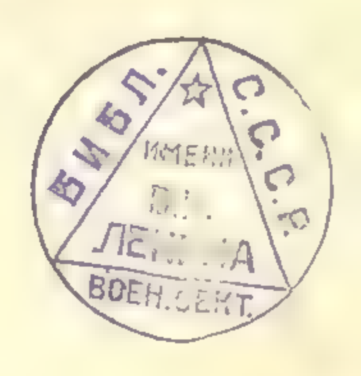
а потому онъ старался направить мысли его собственно на овладѣніе Хунзахомъ. Но когда всѣ увѣщанія остались тщетными, то Асланъ-Ханъ предоставилъ ему дѣйствовать по своему усмотрѣнію, прося не вмѣшивать его въ войну съ Русскими и обѣщая всевозможное пособіе, только въ томъ случаѣ, когда онъ устремитъ всѣ свои силы для завладѣнія аварскимъ-ханствомъ.

Между тѣмъ, во время отсутствія Гамзатъ-Бека изъ Дагестана, молва о нѣкоторыхъ удачныхъ его дѣйствіяхъ въ Джаро-Бѣлоканской области, еще болѣе возрасла отъ преувеличенныхъ разсказовъ бывшихъ съ нимъ Лезгинъ. Ему стоило только пожелать — и въ сообщникахъ не было бы недостатка: а отъ того, когда по возвращеніи въ Новый-Гоцатль, онъ объявилъ о намѣреніи своемъ уничтожить крѣпость Новые-Закаталы, то по первому его призыву, къ нему опять собрались огромныя толпы мятежныхъ горцевъ. Увидѣвъ себя повелителемъ гораздо бо́льшаго скопища, чѣмъ въ первый разъ, честолюбивый Гамзатъ-Бекъ снова направился въ Джаро-Бѣлоканскую область. На пути присоединился къ нему отважный дагестанскій разбойникъ Шихъ-Шабанъ, съ значительною партіею удалыхъ товарищей его набѣговъ и грабежей.

Для нанесенія рѣшительнаго удара крѣпости Новымъ-Закаталамъ, Гамзатъ-Бекъ тихо подвигался впередъ, усиливаясь прибывающими партіями. Наконецъ переваливппсь, въ первой половинѣ 1831 года, съ огромнымъ полчищемъ своимъ, черезъ главный кавказскій хребетъ, онъ былъ встрѣченъ съ восторгомъ джарскими Лезгинами, спѣшившими къ нему присо-

единиться. Однако Гамзатъ-Бекъ не воспользовался своимъ положенiемъ, но любуясь собранными имъ силами и выжидая прибытiя новыхъ партiй, откладывалъ со дня на день нападенiе на крѣпость; а между тѣмъ отъ чрезвычайныхъ жаровъ, горячки и лихорадки начали развиваться въ его скопищѣ. Прибывающiе замѣщали только убылыхъ, не увеличивая число сообщниковъ. Это обстоятельство еще болѣе заставило его медлить, потому что, не довѣряясь слишкомъ храбрости горцевъ, онъ разсчитывалъ преимущественно на ихъ многочисленность. Медленность же и нерѣшительность Гамзата, дали возможность русскимъ отрядамъ прiйти во время къ угрожаемому пункту. Слухъ объ ихъ приближенiи остановилъ его дѣйствiя еще на нѣсколько дней, до полученiя вѣрныхъ свѣдѣнiй о нашихъ войскахъ; а въ нѣсколько дней болѣзни, свирѣпствовавшiя все сильнѣе, видимо уменьшили численность его скопища, такъ что вскорѣ бо́льшая половина джарскихъ Лезгинъ, принуждена была оставить ряды, для ухаживанiя за больными. Удаленiе Джарцевъ оказало весьма неблагопрiятное влiянiе на пришедшихъ къ нимъ мюридовъ, и Гамзатъ-Бекъ, видя упадокъ нравственныхъ силъ въ его сообщникахъ и безпрестанно возрастающую смертность, рѣшился предпринять обратное движенiе въ горы. Когда находившiеся при немъ Джарцы узнали объ этомъ, то опасаясь наказанiя Русскихъ, старались всѣми силами его удержать; но не обративъ вниманiя на ихъ просьбы, онъ ушелъ въ Новый-Гоцатль, гдѣ и распустилъ свое сборище.

Неудача противъ крѣпости Новыхъ-Закаталъ, уменьшила народную молву о подвигахъ Гамзатъ-Бека и

заставила его навсегда отказаться отъ повторенія подобнаго предпріятія. Предавшись тогда мысли, посѣянной въ немъ местью Асланъ-Хана, и волнуемый предположеніями о покореніи Хунзаха, онъ отправился въ концѣ 1831 года къ Кази-Муллѣ, занимавшему въ то время укрѣпленный лагерь на урочищѣ Чумкескентѣ. Кази-Мулла принялъ его, по прежнему, чрезвычайно ласково, выслушалъ разсказъ о бесѣдѣ съ Асланъ-Ханомъ и одобривъ планъ дѣйствій для овладѣнія Хунзахомъ, совѣтовалъ остаться нѣкоторое время при немъ, дабы дать дружный и рѣшительный отпоръ Русскимъ, намѣревавшимся ихъ атаковать; на что Гамзатъ-Бекъ и не замедлилъ согласиться. Уже нѣсколько дней онъ находился въ Чумкескентѣ, какъ однажды утромъ Кази-Мулла объявилъ, что видѣлъ чудный сонъ, который хочетъ непремѣнно узнать по имѣющейся у него книгѣ въ Гимрахъ; а потому, отправляясь туда, поручилъ ему начальство надъ собранными мюридами.

Во время отсутствія Кази-Муллы, Чумкескентъ былъ атакованъ отрядомъ Полковника Миклашевскаго. Послѣ штурма этого урочища, Гамзатъ-Бекъ, едва успѣвшій спастись бѣгствомъ, ушелъ въ Новый-Гоцатль, гдѣ и оставался въ бездѣйствіи до сентября мѣсяца 1832 года, когда Кази-Мулла, ожидая приближенія Русскихъ, просилъ его о помощи. Какъ вѣрный сподвижникъ, онъ призывалъ къ себѣ прежнихъ своихъ сообщниковъ; но на зовъ его не было отвѣта: къ нему собралось не болѣе 1000 человѣкъ.

Не смотря на малочисленность подкрѣпленія, Гамзатъ-Бекъ спѣшилъ съ нимъ на присоединеніе къ Кази-Мулѣ, и 16 октября прибылъ въ селеніе Ирганай,

койсубулинскаго общества. На другой день онъ выступилъ оттуда къ Гимрамъ и остановился въ двухъ верстахъ отъ нихъ, на горѣ Наратовъ, съ которой увидѣвъ русскій отрядъ, штурмовавшій главное убѣжище самыхъ ревностныхъ послѣдователей Мюридизма, не осмѣлился спуститься въ гимринское ущелье и остался равнодушнымъ зрителемъ въ продолженіе всего боя. Въ полночь дали ему знать о смерти Кази-Муллы. Гамзатъ сначала не повѣрилъ этому извѣстію; но когда солнце отразилось на штыкахъ Русскихъ въ садахъ гимринскихъ и въ самомъ селеніи, то онъ сталъ оплакивать кончину нарушителя общественнаго спокойствія въ горахъ, а потомъ притворился объятымъ крѣпкимъ сномъ. Воспрянувъ же отъ искуственнаго забытья, обратился къ окружавшимъ его съ слѣдующими словами, какъ будто внушенными ему свыше:

«Кази-Мулла не умеръ; онъ святой, онъ въ раю, «и прелестныя гуріи услаждаютъ новую его жизнь. «Изъ васъ правовѣрные Мусульмане каждый можетъ «быть вмѣстѣ съ нимъ, если только будете слѣдовать «его примѣру; а онъ всегда свято исполнялъ Шаріатъ, «первый объявилъ Казаватъ и умеръ съ теплою мо«литвою, умеръ съ оружіемъ въ рукахъ, защищая ро«дину.»

«Знаете ли вы, что Кази-Мулла не оставитъ насъ «и будетъ вмѣстѣ съ нами дѣйствовать противъ не«вѣрныхъ, если мы не оставимъ Казаватъ и послѣ«дуемъ его святому ученію. Мы не увидимъ его, но «онъ будетъ устрашать враговъ нашихъ во время боя «появленіемъ своимъ на бѣлой лошади въ зеленой «одеждѣ и окруженный всѣми мюридами, съ нимъ

«погибшими. Кази-Мулла будетъ врываться въ ряды «невѣрныхъ, мечь его будетъ для нихъ сокрушите-«лемъ, и объятые ужасомъ, они будутъ искать спа-«сенія въ одномъ бѣгствѣ.»

Слова Гамзатъ-Бека вновь возбудили фанатизмъ въ слушателяхъ, которые въ тотъ же день (18 октября) оказали упорное сопротивленіе нашему легкому отряду, атаковавшему ихъ на горѣ Паратовъ; однако къ вечеру они принуждены были отступить въ селеніе Ирганай откуда и удалились въ Новый-Гоцатль.

По возвращеніи на родину, Гамзатъ-Бекъ не предпринималъ нѣкоторое время непріязненныхъ дѣйствій, стараясь первоначально увѣрить послѣдователей новаго ученія въ справедливости разсказаннаго имъ на горѣ Паратовъ, а потомъ отправился на совѣщаніе къ муллѣ селенія Балаканъ (койсубулинскаго общества), одному изъ главныхъ мюридовъ Кази-Муллы. Слѣдствіемъ этого совѣщанія было воззваніе Гамзата ко всѣмъ дагестанскимъ мулламъ и почетнымъ жителямъ, которыхъ онъ приглашалъ собраться въ селеніе Корода, андалальскаго общества, гдѣ обѣщалъ объявить имъ весьма важное обстоятельство. Въ назначенный день приглашенные толпились у дверей мечети, ожидая съ нетерпѣніемъ развязки. Въ полдень, когда мулла призываетъ правовѣрныхъ къ молитвѣ, въѣхалъ Гамзатъ-Бекъ въ селеніе, окруженный приверженцами, гордо вошелъ въ храмъ и совершивъ намазъ, произнесъ приготовленную имъ рѣчь въ томъ же духѣ, какъ говорили первый мюршудъ и Кази-Мулла. Вооружая горцевъ противъ Русскихъ, убѣждая ихъ въ необходимости Казавата, для спасенія и славы Исламизма, и совѣтуя имъ поспѣшнѣе

возобновить непріязненныя дѣйствія, онъ сказалъ: «Но мы не можемъ оставаться безъ Имама. Кази-Мул-«ла избралъ меня своимъ помощникомъ, а мудрый «Мулла-Махометъ Балаканскій назначаетъ его пре-«емникомъ. Я объявляю войну невѣрнымъ, и съ этой «же минуты буду вашимъ Имамомъ.»

Легковѣрные горцы, не разъ уже обманутые въ своихъ несбыточныхъ надеждахъ, охладѣли къ подобнымъ восторженнымъ воззваніямъ и не такъ уже безусловно рѣшались слѣдовать коварнымъ внушеніямъ возмутителя. Послѣ словъ Гамзата, раздалось нѣсколько противурѣчащихъ голосовъ и въ толпѣ старшинъ послышался ропотъ. Не давая времени слиться нерѣшительному говору въ одно цѣлое, онъ далъ знакъ рукою къ молчанію и сказалъ повелительнымъ тономъ: «Мусульмане! Я вижу, что вѣра начала ослабѣвать; «но мой долгъ, долгъ Имама, заставляетъ меня на-«вести васъ на тотъ путь, съ котораго вы соврати-«лись. Я требую повиновенія; въ противномъ случаѣ, «Гамзатъ принудитъ васъ силою оружія ему повино-ваться.»

Грозное движеніе Гамзатъ-Бека, сжимавшаго рукоять шашки, и приближеніе къ нему приверженцевъ, готовыхъ на все, смутило собравшихся. Ни одинъ голосъ не возвысился для возраженія; напротивъ того, шопотъ согласія былъ слышенъ изъ толпы. Тогда Гамзатъ-Бекъ вышелъ изъ мечети и вспрыгнувъ на коня, помчался изъ деревни, въ сопровожденіи преданныхъ мюридовъ, которые, джигитуя по сторонамъ, стрѣляли въ честь своего любимца-новаго Имама.

По прибытіи въ Новый-Гоцатль, Гамзатъ-Бекъ

получилъ письмо отъ матери Кази-Муллы. Поздравляя его съ принятіемъ званія Имама, она увѣдомляла о распоряженіи сына ея, приказавшаго, въ случаѣ своей смерти, передать его преемнику хранившіяся въ Чиркатѣ деньги, собранныя на военныя издержки, для поддержанія духовной войны. Вѣсть эта чрезвычайно обрадовала Гамзата, и онъ не замедлилъ отправить въ Чиркатъ надежныхъ людей.

Имѣя денежныя средства, Гамзатъ-Бекъ пріобрѣлъ и новыхъ приверженцевъ, увеличившихъ разсказами его богатство, а съ тѣмъ вмѣстѣ и число желавшихъ поступить въ ряды его сообщниковъ. Послѣдователи Мюридизма охотно стекались на зовъ новаго Имама, и въ скоромъ времени онъ опять увидѣлъ себя повелителемъ большаго сборища. Когда сдѣлалось извѣстнымъ Русскимъ о существованіи этого сборища, то противъ него были посланы въ 1833 году нынѣшній Шамхалъ Тарковскій, покойный Ахметъ-Ханъ Мехтулинскій и Акушинскій Кадій. Гамзатъ-Бекъ встрѣтилъ ихъ близь селенія Гергебиля и одержавъ надъ ними верхъ, возвратился съ торжествомъ въ Новый-Гоцатль, откуда выступилъ противъ аварскихъ селеній Кахъ и Харакули. Однако жители, подкрѣпленные Хунзахцами, защищались весьма упорно и разбили непріятелей.

Вскорѣ послѣ дѣла харукулинскаго, бѣжалъ отъ Гамзатъ-Бека одинъ изъ его нукеровъ, (*) скрывшійся въ Голотлѣ (въ Аваріи). Приближаясь, съ 40 человѣками, къ этому селенію, онъ требовалъ выдачи бѣглеца. За отказомъ съ одной стороны, послѣдовали

(*) Нукеръ — прислужникъ.

угрозы съ другой; наконецъ засвистали пули и Гамзатъ долженъ былъ возвратиться безъ всякаго успѣха и съ простреленною шеею въ Новый-Гоцатль.

Во-время леченія раны, продолжавшагося болѣе мѣсяца, его воинственный духъ не ослабѣвалъ, а честолюбіе создавало новый міръ почестей. Мысль объ овладѣніи Хунзахомъ не покидала его ни на минуту, а чтобы вѣрнѣе достигнуть своей цѣли, онъ предположилъ прежде подчинить своей власти общества окружающія Аварію, и потомъ уже вторгнуться въ это Ханство со всѣхъ сторонъ.

Въ слѣдствіе этого плана, Гамзатъ, тотчасъ по выздоровленіи, разослалъ воззванія къ Койсубулинцамъ, Гумбетовцамъ, Андійцамъ и Карахцамъ. Мятежные жители этихъ обществъ, послушные голосу Имама, собрались въ значительномъ числѣ въ Новый-Гоцатль, откуда онъ выступилъ съ ними въ Андалаль, какъ сильнѣйшее и ближайшее племя къ мѣсту его пребыванія. Селенія Корода и Куляда — первыя приняли безъ сопротивленія новое ученіе и пристали къ толпамъ мюридовъ. Присоединеніе ихъ, дозволяло продолжать начатое съ большею надеждою на успѣхъ; а потому, не теряя времени, Гамзатъ-Бекъ двинулся въ средину андалальскаго общества. Расположившись лагеремъ на горѣ Бабештля-Парахъ, не далеко отъ Чоха, онъ написалъ воззваніе къ Андалальцамъ, отъ которыхъ требовалъ, чтобы они признали его Имамомъ и выдали, въ знакъ покорности, аманатовъ. Хотя Андалальцы, занимаясь преимущественно торговлею, содѣлались менѣе воинственными, однако воззваніе Гамзата, покушавшагося на ихъ независимость, пробудило въ нихъ прежній воинственный

духъ. Отвергнувъ его требованіе, они собрались на горѣ Хахилабъ-Цпго, въ двухъ верстахъ отъ непріятельскаго лагеря, гдѣ битва должна была рѣшить дальнѣйшую ихъ участь. Оскорбленный отказомъ, Гамзатъ-Бекъ атаковалъ стремительно осмѣлившихся ему сопротивляться, выбилъ изъ заваловъ и гналъ до селенія Ругжаба. Потеря, понесенная Андалальцами, навела на нихъ такой страхъ, что не надѣясь болѣе на счастіе, они покорились побѣдителю, выдали въ залогъ вѣрности аманатовъ и лучшее оружіе и присоединились къ его толпамъ.

Легко одержанная побѣда надъ Андалальцами, имѣла весьма благопріятныя послѣдствія для Гамзата: она умножила число его сообщниковъ; увеличила его власть, которая могла быть упрочена въ горахъ только однимъ оружіемъ, и бросивъ блескъ на лестное названіе Имама Дагестана, поощряла къ продолженію, съ бо́льшею настойчивостію, военныхъ дѣйствій, для скорѣйшаго осуществленія честолюбивыхъ замысловъ. По присоединеніи Андалальцевъ, онъ раздѣлилъ свои силы на двѣ части: съ одною самъ пошелъ къ Хидатлинцамъ и Ахвахцамъ, а другую отправилъ, подъ предводительствомъ главнаго своего мюрида-Шамиля, къ Багулальцамъ, Джамалальцамъ, Калалальцамъ и Технусальцамъ. Жители исчисленныхъ обществъ, устрашенные дѣйствіями Гамзата въ Андалалѣ, не осмѣлились сопротивляться возмутителямъ, которые пройдя безпрепятственно чрезъ ихъ земли, соединились наконецъ между селеніями Карата и Тохита.

Подчинивъ такимъ образомъ своей власти всѣ общества окружающія Аварію и увеличивъ свое скопище вновь покорившимися, Гамзатъ-Бекъ увидѣлъ себя

предводителемъ огромнаго скопища, простиравшагося, по показанію нѣкоторыхъ, до 20 тысячь человѣкъ. Подобныя средства давали ему возможность привести въ исполненіе давно созрѣвшую въ немъ мысль, посѣянную местью Асланъ-Хана, о покореніи Аваріи и присвоеніи себѣ власти аварскихъ хановъ. Представивъ мирныя отношенія Аварцевъ къ Русскимъ противузаконными и заслуживающими строгаго наказанія, онъ вторгнулся въ ихъ земли съ полною надеждою на успѣхъ. При появленіи его, всѣ селенія покорились, исключая небольшаго числа жителей, оставшихся вѣрными своему законному владѣтелю и покинувшихъ свои жилища для защиты селенія Хунзаха— мѣстопребыванія хановъ.

Въ началѣ августа 1834 года, изъ всей Аваріи только одинъ Хунзахъ не признавалъ власти Гамзатъ-Бека; а потому подступивъ къ этому селенію, онъ обложилъ его и послалъ преданныхъ мюридовъ къ Ханьшѣ Паху-Бике для переговоровъ. Предложенія ими сдѣланныя состояли въ томъ, чтобы Ханьша приняла со своими подвластными новое ученіе, прервала всякія сношенія съ Русскими и заставила своихъ сыновей дѣйствовать противъ невѣрныхъ, по примѣру тестя ея — Умма-Хана. Устрашенная огромными силами своего противника и не ожидая скорой помощи, Паху-Бике находилась въ тяжкой нерѣшимости. Она поздно разкаявалась въ безразсудномъ упрямствѣ своемъ, оказанномъ ею въ 1832 году, когда, не смотря на настоятельныя требованія Барона Розена, не рѣшилась выдать Гамзатъ-Бека, считая его родственникомъ аварскихъ хановъ, и дозволила ему проживать, послѣ смерти Кази-Муллы, въ своихъ владѣніяхъ.

Она упрекала себя въ безпечности, что не приняла еще въ 1833 году рѣшительныхъ мѣръ противъ возмутителя общественнаго спокойствія: что дало ему возможность дѣйствовать въ 1834 году съ особеннымъ успѣхомъ, и дѣйствовать противъ законныхъ своихъ владѣтелей и ихъ матери, которая, назадъ тому нѣсколько лѣтъ, его обласкала и даже помѣстила въ своемъ домѣ. Но такъ какъ раскаяніе и упреки были уже неумѣстны, то наконецъ, въ слѣдствіе общаго совѣщанія, отправленъ былъ къ Гамзату хунзахскій кадій, Нуръ-Магометъ, съ отвѣтомъ, что Ханьша принимаетъ новое ученіе и для истолкованія его проситъ прислать къ ней свѣдущаго духовника. Казаватъ же съ Русскими отвергаетъ и умоляетъ оставить ее въ покоѣ, обѣщая впрочемъ не содѣйствовать невѣрнымъ, въ случаѣ непріязненныхъ противъ нихъ предпріятій со стороны Имама.

Важно выслушалъ Гамзатъ-Бекъ привезенный отвѣтъ прежнимъ своимъ наставникомъ и учителемъ. Ему нужно было не присоединеніе Паху-Бике къ исправительной сектѣ, а обладаніе Аварскимъ Ханствомъ. Для достиженія этой цѣли, онъ готовъ былъ итти всевозможными путями, хотя и основанными на вѣроломствѣ. Помня какъ назадъ тому четыре года, Хунзахцы, одушевленные Ханьшею и руководимые храбрымъ Абу-Нунцалъ-Ханомъ, отразили толпы Кази-Муллы, Гамзатъ-Бекъ, не надѣясь на успѣхъ открытой атаки, рѣшился захватить хитростію юнаго, отважнаго предводителя, а имѣя его въ своей власти, былъ увѣренъ и въ паденіи Хунзаха. Къ осуществленію же сего коварнаго замысла, онъ не предвидѣлъ большихъ затрудненій, оттого, что присутствіе мно-

гочисленнаго скопища навело уже страхъ на горсть храбрыхъ Хунзахцевъ и самую Ханьшу, въ чемъ убѣждало его предложеніе ея, доказывавшее колебаніе. Колебаніе это, послужившее ему побужденіемъ къ увеличенію требованій, служило вмѣстѣ съ тѣмъ и ручальствомъ въ исполненіи ихъ. Но что-бы не обнаружить прямо своихъ видовъ, онъ хотѣлъ прежде завладѣть младшимъ сыномъ Паху-Бике; а потому, отправляя къ ней присланныхъ ею почетныхъ жителей, велѣлъ сказать, что готовъ послать свѣдущаго муллу для истолкованія Мюридизма, если только она выдастъ въ аманаты, меньшаго сына своего, Булачъ-Хана. При этомъ, прибѣгнувъ къ лицемѣрію, приказалъ опять повторить, что если Абу-Нунцалъ-Ханъ приметъ титулъ Имама Дагестана и рѣшится дѣйствовать противъ Русскихъ, какъ дѣйствовалъ отецъ его, то въ такомъ случаѣ онъ будетъ служить при немъ, по примѣру отца своего Алискендеръ-Бека, служившаго вѣрою и правдою Али-Султанъ-Ахметъ-Хану.

Для произведенія большаго вліянія на умы Хунзахцевъ, Гамзатъ-Бекъ велѣлъ подстричь усы присланнымъ Ханьшею почетнымъ жителямъ, проколоть имъ ноздри и продѣть чрезъ нихъ нитки съ привязанными къ нимъ кусками хлѣба (чурека), запретивъ подъ смертною казнію вынимать ихъ прежде прибытія въ Хунзахъ. Поступокъ варварскій, достойный сына дикой природы!

Доставленный отвѣтъ возвратившимися Хунзахцами, не былъ утѣшителенъ для престарѣлой Ханьши. Вынужденная необходимостію согласиться на требованіе сильнаго врага, а также въ надеждѣ смирить его скорымъ исполненіемъ его желаній, она отправила

къ нему на другой день Булачъ-Хана, съ нѣсколькими почетными жителями. Гамзатъ-Бекъ принявъ его съ большими почестями и залпами изъ ружей, въ тотъ же день отступилъ отъ Хунзаха за двѣ версты, а потомъ отослалъ молодаго Хана въ Новый-Гоцатль, гдѣ поручилъ за нимъ надзоръ тестю своему Имаму-Али.

Имѣя въ своей власти Булачъ-Хана, Гамзатъ-Бекъ не сомнѣвался болѣе въ достиженіи предложенной имъ цѣли, потому что владѣлъ сильнымъ средствомъ, дабы заставить Пуху-Бике исполнять всѣ его желанія. На основаніи этого убѣжденія, онъ немедленно отправилъ мюридовъ въ Хунзахъ съ требованіемъ, чтобы Ханьша прислала къ нему сыновей своихъ, Абу-Нунцалъ-Хана и Умма-Хана, для весьма важныхъ переговоровъ, отъ которыхъ зависитъ спокойствіе всей Аваріи и собственныя выгоды ихъ дома; въ случаѣ же отказа, онъ угрожалъ поручить управленіе Аварскимъ Ханствомъ джанкѣ Сурхай-Хану, уроженцу селенія Сіухъ.

Паху-Бике, опасаясь за жизнь младшаго сына, должна была покориться волѣ Гамзата и призвавъ къ себѣ старшихъ сыновей, объявила имъ о новомъ требованіи противника. На это Абу-Нунцалъ-Ханъ замѣтилъ, что весьма неблагоразумно было бы ѣхать имъ обоимъ въ непріятельскій лагерь, гдѣ ихъ можетъ задержать Гамзатъ-Бекъ и лишить тѣмъ Хунзахъ защитниковъ; а отъ того полагаетъ за лучшее послать къ нему на совѣщаніе одного Умма-Хана.

Ханьша одобрила мнѣніе старшаго своего сына, и Умма-Ханъ отправился, съ пятью почетными старшинами, въ станъ мюридовъ. Гамзатъ-Бекъ принялъ его

съ тѣми же почестями, какъ и Булачъ-Хана, а потомъ созвавъ главныхъ своихъ сообщниковъ, въ числѣ коихъ занималъ первое мѣсто Шамиль, обратился къ Умма-Хану съ слѣдующими словами:

«Я не сдѣлалъ никакого зла вашему дому и не на«мѣренъ его дѣлать, и даже не имѣлъ мысли отни«мать у васъ ханства. Всѣ слухи, распущенные мои«ми недоброжелателями, совершенно ложны. Моя прось«ба состоитъ только въ томъ, что бы вы не искали «моей смерти. По принятой мною обязанности и по «моему званію, я буду заниматься распространеніемъ «Мюридизма. Отецъ мой, Алискендеръ-Бекъ, служилъ «съ большимъ усердіемъ отцу твоему, Али-Султанъ-«Ахметъ-Хану. Всѣ желанія мои клонятся къ тому, «чтобы служить нынѣшнему Хану, по примѣру отца «моего. Всѣ войска мои я отдаю въ его распоряженіе. «Пусть онъ дѣйствуетъ ими вмѣстѣ съ тобою, по «собственному усмотрѣнію; а я объ одномъ прошу: «дозволить мнѣ, по прежнему, жить въ вашемъ домѣ. «Я буду помогать вамъ моими совѣтами и опытно«стію, если въ нихъ встрѣтится надобность, и безъ «позволенія никогда не войду къ Хану.»

Молодой Умма-Ханъ, удивленный льстивою и покорною рѣчью Гамзата, стоялъ безмолвно. Тогда возвысился въ толпѣ голосъ одного мюрида, который спросилъ его: «Неужели во всемъ Хунзахѣ не на«шлось умнѣе и опытнѣе тебя, чтобы понять слова «Имама и отвѣчать на нихъ?» Видя смущеніе своего Хана, вновь непроизнесшаго ни одного слова, хунзахскій старшина сказалъ, что они прибыли не для ссоры, а для свиданія съ Гамзатъ-Бекомъ, какъ родственникомъ Аварскихъ Хановъ. Послѣ этого онъ хо-

тѣлъ говорить за молодаго Хана, но Гамзатъ не удостоилъ вѣрнаго старшину вниманіемъ, и повелъ своего гостя смотрѣть на цѣльную стрѣльбу своихъ удальцовъ. — міоридовъ.

Между тѣмъ Паху-Бике, безпокоясь о долгомъ отсутствіи Умма-Хана, просила старшаго сына отправиться къ Гамзатъ-Беку для личныхъ объясненій. Абу-Нунцалъ-Ханъ, понимая болѣе своего врага, отказался отъ исполненія просьбы матери до возвращенія брата. Чрезъ нѣсколько часовъ она настоятельно потребовала удовлетворенія ея желанія, основываясь на молодости Умма-Хана, который не въ состояніи будетъ отвѣчать на предложенія противника. Абу-Нунцалъ-Ханъ снова отказался отъ свиданія съ Гамзатъ-Бекомъ, по той же причинѣ. Тогда Ханьша, какъ бы идя на встрѣчу своей гибели, прибѣгнула къ средству, ускорившему развязку драммы. Приписавъ нежеланіе Абу-Нунцалъ-Хана собственно чувству самосохраненія, она сказала ему: «Не ужели ты гордъ «до такой степени, что считаешь унизительнымъ для «Аварскаго Хана говорить съ Бекомъ, когда опасность «угрожаетъ не только твоему брату, но всему твоему «Ханству. Можетъ быть трусость причиною твоего «отказа?»

«Ты хочешь»—гордо сказалъ Абу-Нунцалъ-Ханъ,—«лишиться и послѣдняго твоего сына? Изволь, — я «ѣду!» И онъ отправился въ непріятельскій лагерь съ 20-ю нукерами. . . . .

Лишь только показался Абу-Нунцалъ-Ханъ въ станѣ міоридовъ, какъ Гамзатъ-Бекъ, неожидавшій стеченія такихъ благопріятныхъ обстоятельствъ, поспѣшилъ къ нему на встрѣчу и принялъ его съ рабскою

почтительностію. Ханъ дружески привѣтствовалъ своего врага и по просьбѣ его вошелъ въ палатку, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Умма-Ханомъ; за ними послѣдовали и нѣсколько почетныхъ жителей Хунзаха.

Угощая своихъ дорогихъ гостей, Гамзатъ-Бекъ сказалъ Абу-Нуцалъ-Хану, что все собранное имъ скопище находится отъ нынѣ въ его распоряженіи, что онъ самъ отдается въ его власть и что съ этого дня, если не откажутъ ему въ помѣщеніи въ ханскомъ домѣ, онъ будетъ заниматься только богоугоднымъ дѣломъ — распространеніемъ Мюридизма въ Аваріи. Абу-Нуцалъ-Ханъ, тронутый подобными знаками уваженія, благодарилъ Гамзата въ самыхъ искреннихъ выраженіяхъ, обѣщая ему вѣчную дружбу.

Вскорѣ послѣ этого Гамзатъ-Бекъ вышелъ, а вмѣстѣ съ нимъ и находившіеся при немъ мюриды. Хотя его преступное желаніе осуществилось, и два Хана, изъ которыхъ одного онъ страшился, находились въ его власти, однако честолюбіе не совсѣмъ еще заглушило въ немъ понятіе объ ихъ неприкосновенности и нерѣшительность имъ овладѣла. Замѣтивъ его колебаніе, Шамиль сказалъ: «Гамзатъ! Куй желѣзо, пока «оно горячо, иначе будешь раскаяваться въ своей «слабости.» Поощренный этими словами, онъ немедленно сдѣлалъ распоряженіе о назначеніи убійцъ и приказалъ сдѣлать залпъ изъ ружей по ханскимъ нукерамъ. Когда удачные выстрѣлы уничтожили большую часть вѣрныхъ защитниковъ, то одинъ изъ хунзахскихъ жителей, преданный мюридъ Гамзатъ-Бека, первый подбѣжалъ къ палаткѣ и выстрѣломъ изъ ружья нанесъ смертельную рану Умма-Хану. Молодой Ханъ, не почувствовалъ вдругъ ослабленія, выхва-

тилъ кинжалъ и бросился на враговъ; но по выходѣ изъ палатки, силы его оставили и онъ палъ мертвымъ. Между тѣмъ Абу-Нуцалъ-Ханъ, выбѣжавшій вслѣдъ за Умма-Ханомъ, боролся долѣе съ убійцами. Первый встрѣтившійся ему противникъ — былъ родной братъ Гамзата, котораго онъ и повергъ на землю. Подобная же участь постигла шурина Гамзатъ-Бека, занесшаго на него руку, и одного джаро-бѣлоканскаго мюрида, прострѣлившаго ему лѣвое плечо. Геройская защита Хана устрашила убійцъ вступать съ нимъ въ одиночный бой; а потому на него напали нѣсколько мюридовъ и неизвѣстно кто изъ нихъ разсѣкъ ему лѣвую часть лица. Абу-Нуцалъ-Ханъ, прихвативъ рукою отрубленную щеку, выдернулъ шашку и нанесъ ею еще не одинъ смертельный ударъ. Въ эту роковую минуту отчаяніе и храбрость Хана достигла до невѣроятной степени: всѣ, къ кому онъ приближался, бѣжали отъ него. Очевидцы разсказываютъ, что Абу-Нуцалъ-Ханъ походилъ на ожесточеннаго льва, не чувствовавшаго своихъ страданій, и преслѣдуя бѣгущихъ, убилъ и ранилъ до 20 человѣкъ. Наконецъ обезсиленный и изнеможенный, онъ палъ на трупъ одного изъ враговъ своихъ.

Итакъ, 13 августа 1834 года, свершилось желаніе Гамзатъ-Бека и аварскихъ хановъ не стало. Изъ пріѣхавшихъ съ ними почетныхъ жителей и нукеровъ весьма не многіе уцѣлѣли, чтобы привести въ Хунзахъ горестную вѣсть о убіеніи Хановъ, повергшую въ уныніе Ханьшу и народъ.

Въ тотъ же день Паху-Бике и Ханьша Хистоманъ-Бике, лишившіяся защитниковъ и оставленныя оробѣвшими Хунзахцами, перевезены были, по волѣ Гам-

зата, въ селеніе Геничутль, отстоящее въ 3-хъ верстахъ отъ Хунзаха; жена же Абу-Нунцалъ-Хана, собственно по причинѣ ея беременности, была оставлена въ ханскомъ домѣ. Проѣзжая мимо непріятельскаго лагеря, Ханьша Паху-Бике просила позволенія переговорить съ Гамзатъ-Бекомъ. Отвѣтивъ, что между ею и имъ ничего нѣтъ общаго, онъ вошелъ вслѣдъ затѣмъ въ Хунзахъ, и обагренный кровію законныхъ хановъ, принялъ ихъ титулъ и помѣстился въ ихъ домѣ.

По водвореніи своемъ въ Хунзахѣ, первымъ дѣйствіемъ Гамзатъ-Бека — было заарестованіе Сурхай-Хана, полковника русской службы, управлявшаго уже Аварскимъ Ханствомъ съ 1821 по 1828 годъ. Сурхай-Ханъ хотя и былъ джанка, имѣя мать простаго происхожденія, однако все же считался двоюроднымъ братомъ послѣдняго Хана и могъ вступить на ханство въ случаѣ смерти ближайшихъ наслѣдниковъ. Права Сурхай-Хана были не безъизвѣстны Гамзатъ-Беку; а потому онъ и поспѣшилъ захватить своего соперника. Вторая его забота состояла въ томъ, чтобы завладѣть всѣмъ имуществомъ Аварскихъ Хановъ.

Сдѣлавъ необходимыя для этого распоряженія, Гамзатъ-Бекъ потребовалъ къ себѣ Ханьшу Паху-Бике, вмѣстѣ съ ея тещею. Послѣднюю онъ помѣстилъ на хуторѣ аварскихъ хановъ, построенномъ въ ущельи близь Хунзаха, а первую приказалъ ввести въ комнату. Убитая потерею сыновей и Ханства, она вошла твердымъ шагомъ въ жилище, вмѣщавшее долгое время Хановъ Аваріи, и безъ смущенія поздравила Гамзата съ полученіемъ новаго сана. Похититель злобно усмѣхнувшись, сдѣлалъ знакъ стоявшему позади Хань-

ши гимритскому мюриду, и голова ея покатилась къ ногамъ убійцы.

Поступокъ этотъ весьма не понравился даже приближеннымъ Гамзатъ-Бека, потому что Азіятцы, при всемъ варварствѣ, щадятъ беззащитныхъ женщинъ. Чувствуя самъ низость своего дѣйствія, противнаго обычаямъ, онъ извинялся тѣмъ, что вѣроятно Ханьша стала бы просить защиты у Русскихъ, которые не отказали бы ей въ помощи.

На другой день, участь Ханьши Паху-Бике постигла и Сурхай-Хана. Участь же юнаго Булачь-Хана, заключеннаго тогда въ Новомъ-Гоцатлѣ, не была еще рѣшена, и неизвѣстно, что Гамзатъ-Бекъ сдѣлалъ бы съ нимъ. Но жену Абу-Нунцалъ-Хана, Ханьшу Гайбатъ-Бике, онъ не осмѣлился лишить жизни, оттого что убивая ее, убилъ бы вмѣстѣ съ нею и невинное существо; а по магометанскимъ законамъ это считается величайшимъ преступленіемъ.

По истребленіи аварскихъ хановъ и Сурхай-Хана, Гамзатъ-Беку оставалось только упрочить свою власть въ Аваріи, а потомъ приступить къ осуществленію дальнѣйшихъ своихъ предположеній. Онъ и имѣлъ намѣреніе не медлить дѣйствіями; но смерть двоюроднаго его брата, Чопанъ-Бека, искренно имъ любимаго и умершаго отъ раны, полученной имъ при убіеніи хановъ, заставила его измѣнить свое намѣреніе и отправиться на нѣсколько дней въ Новый-Гоцатль какъ для присутствованія при погребальномъ обрядѣ, такъ и для утѣшенія отца Чопанъ-Бека, того Имана-Али, который пробудилъ мятежный духъ въ его душѣ, утопавшей въ развратѣ.

Во время непродолжительнаго пребыванія въ Новомъ-

Гоцатлѣ, Гамзатъ-Бекъ получилъ два письма отъ генералъ-маіора Асланъ-Хана Казикумыкскаго. Первое, прочтенное передъ народомъ, было слѣдующаго содержанія: «Я узналъ, — писалъ Асланъ-Ханъ, — что ты убилъ родственниковъ моихъ, а твоихъ повелителей — Абу-Нуцалъ и Умма-Хановъ. Смерть ихъ ляжетъ на тебя справедливымъ гнѣвомъ Божіимъ. Смерть же ханьши Паху-Бике, обрушится всею тяжестію и моего мщенія, и ты не найдешь мѣста, гдѣ могъ бы отъ него укрыться.» Второе письмо, показанное только немногимъ приближеннымъ и при которомъ были препровождены золотые часы, заключало въ себѣ слѣдующія слова: «Спасибо тебѣ, Гамзатъ-Бекъ; ты исполнилъ свое обѣщаніе, какъ нельзя лучше. Дай Богъ, что бы въ нашъ вѣкъ было по-болѣе такихъ молодцевъ; за то я и признаю тебя моимъ сыномъ. Теперь тебѣ, прежде всего, нужно покорить цудахаринское общество, и въ случаѣ нужды я буду тебѣ тайно помогать.»

Послушный совѣтамъ Асланъ-Хана, питавшаго, по неизвѣстнымъ причинамъ, особенную злобу къ Цудахаринцамъ, и желая также подчинить своей власти этотъ народъ, какъ непринявшій еще новаго ученія и покореніе котораго входило въ общій планъ его дѣйствій, — Гамзатъ-Бекъ тотчасъ же собралъ мюридовъ отъ Хидатлинскаго и Андалальскаго обществъ, всего до 4 тысячь человѣкъ. Перейдя съ ними кородахскій мостъ, онъ внезапно напалъ, ночью, на ближайшія цудахаринскія селенія: Салту и Худахибъ. Устрашенные жители, неприготовленные къ защитѣ, должны были покориться обстоятельствамъ и впустили непріятельскія толпы въ ихъ жилища. Изъ Салты

онъ написалъ къ цудахаринскому кадію и старшинамъ этого общества, что бы они пропустили его чрезъ свои земли, объявляя имъ намѣреніе свое итти къ Дербенту.

Получивъ письмо Гамзатъ-Бека, цудахаринскій кадій, Асланъ, хотѣлъ къ нему отправиться; но родственники удержали его и рѣшили на совѣтѣ, съ прочими старшинами, не довѣряться человѣку, обманувшему аварскихъ хановъ и занявшему уже непріязненно два цудахаринскія селенія, а собраться и дать общими силами отпоръ ихъ врагу. Въ-слѣдствіе этого, всѣ Цудахаринцы, могшіе носить оружіе, выступили противъ непріятеля, а въ помощь къ нимъ присоединились и Акушинцы. Они встрѣтились съ Гамзатъ-Бекомъ недалеко отъ селенія Цудахара, на урочищѣ Каранцъ, и одушевленные желаніемъ отстоять свою независимость, быстро атаковали противниковъ. Подавленные многочисленностію и отвагою — мюриды дрогнули и обратились въ бѣгство; самъ предводитель ихъ едва могъ спастись, претерпѣвъ пораженіе на голову. Отдѣлившись отъ своего скопища, преслѣдованнаго Цудахаринцами до салтинскаго моста, Гамзатъ-Бекъ направился, съ частію приверженцевъ, въ Новый-Гоцатль, откуда, спустя нѣсколько дней, уѣхалъ въ Хунзахъ.

Неудача понесенная Гамзатъ-Бекомъ противъ Цудахаринцевъ, не охладила его воинственнаго духа. Проникнутый мщеніемъ, онъ снова приступилъ къ военнымъ приготовленіямъ, для нападенія на Цудахаръ, Акушу и Ханство Мехтулинское, и даже помышлялъ о завоеваніи Дербента, Кубы, Шемахи и вообще всего Дагестана. Въ этомъ предположеніи, онъ велѣлъ

заготовлять большое количество пороху и разослалъ главныхъ мюридовъ своихъ во всѣ общества, признававшія его власть надъ собою, съ требованіемъ, чтобы жители ихъ, вооружась поголовно, шли въ Хунзахъ.

Пока сдѣланныя распоряженія, для возобновленія военныхъ дѣйствій, приводились въ исполненіе, многіе изъ приближенныхъ Гамзатъ-Бека, желая вѣроятно придать насильственному вступленію его на Ханство нѣкоторый видъ законности и тѣмъ упрочить его власть, совѣтывали ему жениться на вдовѣ Абу-Нунцалъ-Хана, сестрѣ нынѣшняго Шамхала Тарковскаго, Абу-Муселимъ-Хана. Но Гамзатъ-Бекъ отказался удовлетворить желаніе своихъ приверженцевъ, говоря, что Ханьша Гайбатъ-Бике не можетъ быть его женою, по причинѣ ея беременности, а также и потому, что принадлежала человѣку проклятому за Богоотступничество, курившему табакъ, употреблявшему вино и бывшему въ связи съ Русскими. Усиленныя ихъ просьбы не только не принесли имъ пользы, а еще болѣе раздражили Гамзата, который, какъ бы на перекоръ имъ, женился на дочери одного Хунзахскаго джанки. Въ доказательство же преданности къ вѣрѣ и убѣжденія, что считалъ большимъ грѣхомъ привычку Абу-Нунцалъ-Хана, отдалъ строгій приказъ, состоявшій въ томъ, чтобы никто не смѣлъ курить табаку и употреблять горячихъ напитковъ. Кромѣ того, дабы отличить послѣдователей новаго ученія отъ упорствовавшихъ въ присоединеніи къ Мюридизму, велѣлъ каждому мюриду подстричь усы, наравнѣ съ верхнею губою. Нарушителямъ этого приказа-

нія угрожалъ посаженіемъ въ яму и наказаніемъ по пятамъ 40 палочными ударами.

Для наблюденія за исполненіемъ отданнаго приказанія было назначено нѣсколько человѣкъ, а въ числѣ ихъ и казначей Гамзата Маклачъ. Отыскивая однажды остальныя ханскія вещи, отданныя Ханьшею Паху-Бике на сохраненіе нѣкоторымъ почетнымъ жителямъ Хунзаха, Маклачъ зашелъ въ одну изъ мастерскихъ, гдѣ находилось въ то время около 10 человѣкъ, а между ими и дѣти Итина Магомета, Османъ и Гаджи-Муратъ. Почувствовавъ табачный запахъ, онъ желалъ знать имя курившаго трубку; но когда никто изъ присутствовавшихъ не сознался и по обыскѣ ни у кого не оказалось табаку, то Маклачъ приказалъ только подстричь усы собравшимся въ мастерской.

Хунзахцы имѣли много причинъ быть недовольными Гамзатъ-Бекомъ и его приверженцами, а это незначительное обстоятельство, усиливъ еще болѣе ихъ негодованіе, послужило окончательнымъ поводомъ къ составленію заговора противъ похитителя Аварскаго Ханства. По уходѣ Маклача, находившіеся въ мастерской начали роптать на поведеніе мюридовъ, отъ которыхъ не было имъ покоя, и одинъ изъ нихъ, обратясь къ Осману и Гаджи-Мурату, сказалъ: «Султанъ Ахметъ-Ханъ, покойный нашъ владѣтель, былъ великій человѣкъ. Онъ отдалъ сына своего Умма-Хана вашему отцу на воспитаніе и сравнялъ васъ чрезъ то съ своимъ родомъ; а между тѣмъ вы дозволили убить не только Абу-Нунцалъ-Хана, но и молочнаго брата вашего, Умма-Хана. Неудивительно послѣ этого, что мы всѣ поплатимся головами, если Гамзату вздумает-

ся выказать свое могущество, позабавившись нашею жизнію. Убьемъ Гамзата! съ нимъ теперь немного мюридовъ.» Слова эти отозвались въ сердцахъ ожесточенныхъ слушателей. Молча пожали они другъ друга руки и условились вновь собраться въ той же мастерской вечеромъ.

Въ назначенный часъ, тайкомъ пробирались заговорщики на свиданіе, приведя съ собою еще до 18 человѣкъ надежныхъ родственниковъ. На этомъ свиданіи положено было привести въ исполненіе заговоръ при первой возможности, и каждый изъ присутствовавшихъ поклялся на Коранѣ хранить его въ глубокой тайнѣ.

Не смотря на мѣры осторожности, принятыя заговорщиками, одинъ изъ ревностныхъ мюридовъ успѣлъ узнать о покушеніи на жизнь Гамзатъ-Бека и тотчасъ же сообщилъ ему о происходившемъ въ мастерской, подтверждая справедливость словъ своихъ клятвою. Однако доставленное свѣдѣніе, объ угрожавшей опасности, не устрашило похитителя Аварскаго Ханства, чрезмѣрно довѣрявшагося своей судьбѣ. Выслушавъ мюрида, онъ спросилъ его хладнокровно: «Можешь ли «ты остановить Ангеловъ, когда они придутъ за моею «душею? Если не можешь, то иди домой и оставь «меня въ покоѣ. Что опредѣлено Богомъ, того не «избѣгнешь, и если завтра назначено мнѣ умереть, «то завтрашній день и будетъ днемъ моей смерти.»

Гамзатъ-Бекъ находился въ такой слѣпой увѣренности въ свое счастье, что по уходѣ мюрида, началъ надсмѣхаться надъ нелѣпостію доноса; а когда Маклачъ внесъ въ его комнату драгоцѣнныя вещи и сталъ снабжать прочія комнаты всѣмъ необходимымъ

на случай осады Хунзахцами Ханскаго дома, то смотря долгое время съ ироническою улыбкою на принимаемыя мѣры предосторожности, онъ приказалъ наконецъ отложить приготовленія до наступленія дѣйствительной опасности.

19 сентября, въ пятницу, былъ большой праздникъ у всѣхъ Магометанъ, и Гамзатъ-Бекъ, какъ глава духовенства въ Дагестанѣ, имѣлъ намѣреніе итти въ мечеть. Но едва наступило утро, къ нему снова явился Мюридъ доносившій о заговорѣ, и снова подтверждая клятвою справедливость своихъ словъ, присовокупилъ, что его непремѣнно убьютъ въ этотъ день во время молитвы въ храмѣ, и что первымъ зачинщикомъ заговора былъ Османилязулъ-Гаджіевъ,—дѣдъ Османа и Гаджи-Мурата.

Увѣренія доносчика поколебали нѣсколько Гамзатъ-Бека; а потому онъ потребовалъ къ себѣ Гаджіева. Хитрый старикъ, приблизился къ нему съ совершенно покойнымъ лицемъ, и пока Гамзатъ смотрѣлъ на него пристально стараясь вѣроятно его смутить, онъ сталъ убѣдительно просить, помочь ему въ средствахъ къ изученію сына Арабскому языку. Обезоруженный безмятежнымъ видомъ Гаджіева, Гамзатъ обѣщалъ исполнить его просьбу, и снова довѣрился своему счастію. Не допуская и мысли, что бы участь его была уже рѣшена и минуты жизни сосчитаны, онъ рѣшился непремѣнно быть въ мечети отдавъ только приказаніе, что-бы никто изъ жителей Хунзаха не смѣлъ туда входить въ буркѣ, дабы можно было видѣть вооруженныхъ и отнять у нихъ оружіе.

Въ полдень, 19 сентября, раздался голосъ Муллы, и толпы почитателей Магомета начали сходиться въ

мечеть. Вооруженный тремя пистолетами и предшествуемый 12-ю мюридами, съ обнаженными шашками, вошелъ и Гамзатъ-Бекъ въ храмъ пророка, въ сопровожденіи своихъ приближенныхъ. Онъ готовился уже приступить къ молитвѣ, какъ замѣтивъ нѣсколькихъ человѣкъ въ буркахъ, остановился посреди мечети. Тогда Османъ, братъ Гаджи-Мурата, громко сказалъ собравшимся: «Что же вы не встаете, когда великій «Имамъ пришелъ съ вами молиться.» Слова внука перваго заговорщика не предвѣщали ничего добраго; а потому Гамзатъ-Бекъ началъ отступать къ дверямъ храма; но въ это время Османъ выстрѣлилъ изъ пистолета и нанесъ ему тяжелую рану. Въ слѣдъ за даннымъ сигналомъ, быстро послѣдовали выстрѣлы, и убійца аварскихъ хановъ палъ мертвымъ на ковры мечети, простреленный нѣсколькими пулями.

Приближенные Гамзатъ-Бека хотѣли отмстить за смерть своего повелителя, однако успѣли только убить Османа, и атакованные въ свою очередь ободрившимися Хунзахцами, понесли большой уронъ и обратились въ бѣгство.

Освободясь отъ своихъ притѣснителей—мюридовъ, Хунзахцы тотчасъ же ввели въ ханскій домъ престарѣлую Ханьшу Хистоманъ-Бике. Она, изъ состраданія, велѣла похоронить, на четвертый день, валявшееся возлѣ мечети обнаженное тѣло Гамзатъ-Бека, котораго постигла участь вполнѣ имъ заслуженная за его злодѣйскія дѣйствія.

Во время послѣднихъ происшествій въ Хунзахѣ, Шамиль, главный сообщникъ Гамзатъ-Бека, былъ въ отсутствіи. Получивъ свѣденіе объ его смерти, онъ немедленно собралъ партію отчаяннѣйшихъ мюридовъ,

и, не отваживаясь итти на Хунзахъ, отправился въ Новый-Гоцатль, гдѣ потребовалъ награбленное Гамзатомъ имущество, а также выдачи единственнаго наслѣдника Аварскаго Ханства—Булачъ-Хана, находившагося въ томъ селеніи подъ присмотромъ у тестя Гамзатъ-Бека, Имана-Али.

Помня предсмертную просьбу сына своего, Чопанъ-Бека, раскаявшагося въ содѣйствіи къ убіенію законныхъ Хановъ Аваріи и просившаго успокоить душу его сохраненіемъ жизни Булачъ-Хана, могшаго въ послѣдствіи владѣть достояніемъ своихъ предковъ, Иманъ-Али не хотѣлъ выдать юнаго Хана, а прислалъ къ Шамилю только требованное имъ имущество. Но ожесточенный убійствомъ Гамзатъ-Бека и считая долгомъ отмстить за его смерть, Шамиль настаивалъ на исполненіи своего требованія, грозя, въ случаѣ отказа, разорить до основанія жилища Имана-Али и истребить все его семейство. Угроза эта произвела свое дѣйствіе: чувство самосохраненія подавило благородную рѣшимость старца, и Шамиль, имѣя въ своей власти Булачъ-Хана, приказалъ его убить, а тѣло бросить съ высокой скалы въ Аварское Койсу.

Преступныя дѣйствія Гамзатъ-Бека и его сообщниковъ, не могли не обратить на себя вниманія Начальства. Быстрые успѣхи ими одержанные, были причиною усиленія войскъ на лѣвомъ флангѣ Кавказкой Линіи и въ Сѣверномъ Дагестанѣ. Отрядъ собранный въ семъ послѣднемъ краѣ, изъ 10-ти баталіоновъ пѣхоты, 14 орудій и 400 человѣкъ милиціи, былъ порученъ Полковнику Клюки-Фонъ-Клугенау. Цѣль дѣйствій этого отряда состояла въ томъ, чтобы

усмирить послѣдователей новаго ученія и разорить до основанія селеніе Гоцатль, служившее главнымъ притономъ для ревностнѣйшихъ мюридовъ и жители котораго принимали самое дѣятельное участіе въ дѣйствіяхъ Гамзатъ-Бека.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1834 года, Дагестанскій отрядъ выступилъ изъ Т.-Х.-Шуры къ Гоцатлю. Лишь только Шамиль, находившійся тогда въ этомъ селеніи, получилъ достовѣрное свѣденіе о направленіе нашихъ войскъ, какъ тотчасъ же занялъ позицію въ Могохскомъ ущельѣ, противъ впаденія Казикумыкскаго Койсу въ Аварское Койсу, откуда предполагалъ безпокоить Русскихъ съ фланга и въ въ тылъ, при дальнѣйшемъ ихъ движеніи. Однако удачное дѣйствіе артиллеріи въ узкомъ ущельѣ, заставило его отказаться отъ своего намѣренія и отступить далѣе въ горы.

Съ удаленіемъ Шамиля, сообщенія не подвергались болѣе опасности; а потому наступательныя дѣйствія можно было продолжать рѣшительнѣе. По переправѣ чрезъ Аварское Каусу у Чалдовъ предстоялъ нашимъ войскамъ трудный подвигъ—штурмъ извѣстныхъ своею крѣпостію Гоцатлинскихъ высотъ, на которыхъ поборники новаго ученія, руководимые родственниками Гамзатъ-Бека, устроили въ нѣсколько ярусовъ завалы и заняли ихъ значительными силами. Но ни трудность доступа, ни отчаянное сопротивленіе мюридовъ не устояло противъ русскаго штыка: Гоцатль былъ занять и разоренъ до основанія; непріятель, понеся значительную потерю, обратился въ бѣгство; а родственники Гамзатъ-Бека, скрывшіеся съ имуществомъ въ пещерахъ, и тамъ не нашли спасенія.

Занятіе Гоцатля навело такой страхъ на сосѣднія къ этому селенію племена, что они спѣшили въ отрядъ съ изъявленіемъ покорности и съ просьбою о пощадѣ. Чрезъ нѣсколько дней, на тѣхъ же Гоцатлинскихъ высотахъ, присягнули на Алкоранѣ, при громѣ пушекъ, на вѣрноподданство Государю Императору, Аварцы и Андалальцы, принимавшіе участіе въ дѣйствіяхъ Гамзатъ-Бека; а вслѣдъ за тѣмъ прибыли въ отрядъ съ принесеніемъ покорности Койсубулинскіе и Гумбетовскіе Старшины. Первые изъ нихъ обѣщали даже заставить пріѣхать въ Тарки съ повинною головою и Шамиля, который находился въ то время въ Койсубулинской деревни Ашильтѣ, оставленный всѣми, за исключеніемъ нѣсколькихъ человѣкъ, самыхъ ревностнѣйшихъ приверженцевъ Мюридизма.

—

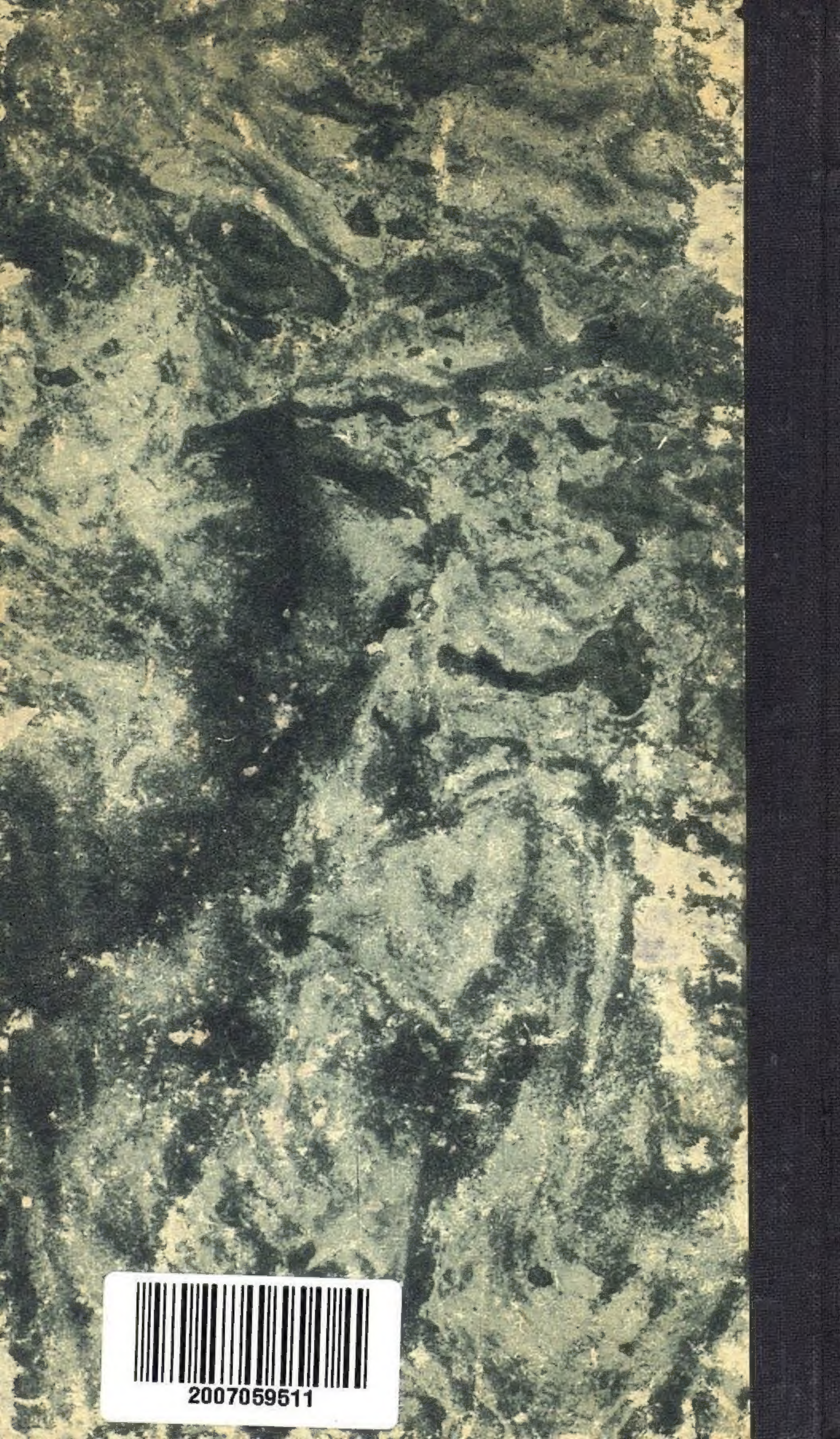
Какъ не благодѣтельно было вліяніе гоцатлинскаго дѣла на успокоеніе умовъ въ Сѣверномъ и Среднемъ Дагестанѣ, и хотя соучастники въ злодѣйскихъ дѣйствіяхъ Гамзатъ-Бека получили справедливое возмездіе, но не менѣе того, съ убіеніемъ Булачъ-Хана, мужескій родъ Аварскихъ Хановъ былъ окончательно истребленъ. Представителями этого славнаго дома въ дагестанскихъ горахъ, наводившаго нѣкогда страхъ на все Закавказье, остались двѣ женщины: престарѣлая Ханьша Хистоманъ-Бике и вдова Абу-Нунцалъ-Хана Гайбатъ-Бике. Участь Аварскаго Ханства зависѣла отъ послѣдней изъ нихъ: Аварцы съ нетерпѣніемъ ожидали разрѣшенія ея отъ бремени. Наконецъ желаніе ихъ исполнилось, и вскорѣ послѣ гоцатлинскаго дѣла, они узнали о рожденіи

новаго законнаго ихъ владѣтеля, котораго Гайбатъ-Бике назвала Султанъ-Ахметъ-Ханомъ.

Почти вслѣдъ за появленіемъ на свѣтъ, онъ долженъ былъ покинуть мѣстопребываніе своихъ предковъ. Причиною удаленія его изъ Хунзаха было полученное свѣденіе, въ началѣ 1835 года, о намѣреніи Шамиля наказать Хунзахцевъ за убіеніе Гамзатъ-Бека. Устрашенная этимъ извѣстіемъ, Ханьша Гайбатъ-Бике выѣхала изъ Аваріи въ Шамхальскія владѣнія, гдѣ и поселилась въ Таркахъ съ сыномъ своимъ и Хистоманъ-Бике, подъ непосредственную защиту Русскихъ.

Султанъ-Ахметъ-Хану не суждено было долго пользоваться ласками матери: удрученная скорбію о потерѣ мужа и бывъ свидѣтельницею столькихъ кровавыхъ сценъ, Гайбатъ-Бике слабѣла день-ото-дня и наконецъ умерла въ 1837 году. Воспитательницею юнаго Хана осталась престарѣлая Ханьша Хистоманъ-Бике, но и та лелѣяла своего правнука только одинъ годъ. По смерти ея, взялъ его къ себѣ на воспитаніе житель селенія Дургели (Шамхальскаго владѣнія), Алискендеръ, котораго сынъ былъ его молочнымъ братомъ.

Дитя-Ханъ постоянно показывалъ самую нѣжную привязанность къ своему молочному брату, и не рѣдко говорилъ о своей искренней къ нему любви. Однажды, при изъявленіи имъ подобныхъ чувствъ, простое любопытство заставило одного изъ Русскихъ спросить его, кого же онъ болѣе всѣхъ ненавидитъ? «Шамиля!» отвѣчалъ твердымъ голосомъ 9 лѣтній ребенокъ, схватясь за рукоять кинжала. «Я ему непремѣнно отмщу за смерть моего отца.»

2007059511